

MAPTA
KETPO

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»**

представляет книги

МАРТЫ КЕТРО

Бродячая женщина
Все девочки снежинки, а мальчики клоуны
Горький шоколад. Книга утешений
Госпожа яблок
Женщины и коты, мужчины и кошки
Жизнь в мелкий цветочек
Знаки
Искусство любовной войны
Как поймать девочку
Как сделать так, чтобы тебя любили. (В Интернете)
Книга обманов
Лимоны и синицы
Магички. Орден Воробьиного сычика
Московские фиалки
О любви
Осенний полет таксы
Песни о жестокости женщин, мужском вероломстве
и общечеловеческой слабости
Письма Луне
Справочник по уходу и возвращению
Три аспекта женской истерики
Улыбайся всегда, любовь моя
Умная, как цветок
Хорошенькие не умирают
Хоп-хоп, улитка
Чтобы сказать ему

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ:

Вздохнуть! И! не! ды! шать!
Зато ты очень красивый
Лисья честность
Мартовские коты
Плохие кошки
Психи и психологи
Скажи!

МАРТА
КЕТРО

ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ЕМУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К37

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Легенда русского Интернета»

Иллюстрация на переплете – *Андрей Фerez*

Кетро, Марта.

К37 Чтобы сказать ему : [роман] / Марта Кетро. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Легенда русского Интернета).

ISBN 978-5-17-116135-4

Новая постапокалиптическая реальность, которая отзывается на человеческие страхи и ожидания, новый мир со своими законами и правилами — и вечные переживания, вина, страсть и любовь, которые не покинут людей, что бы ни случилось со старушкой-Землёй.

Острый психологический роман о путешествии, через меняющийся непредсказуемый мир — к океану, через отчаяние — к любви.

Эта книга о ранах и исцелении, о странной реальности, в которой происходят яркие встречи, и о том, что самые тяжёлые утраты иногда оказываются не окончательными.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116135-4

© М. Кетро, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

вот же он этот проклятый заяц
как же я его не заметил
пусть не говорят что он больше не нужен
там куда мы уходим
куда мы уходим

Цветков А.П.

У одной женщины не было детей.

Редко случается, чтобы у женщины совсем не было детей, ни своих, ни названных. Такие встречаются приблизительно в тысячу раз реже, чем те, кто просто не может родить. Потому что если у которой нет ребёночка, а страх как хочется, она всегда найдёт способ. Пойдёт к колдунье, а та подарит ячменное зерно, да такое, что вместо колоска взойдёт цветок, а внутри бутона окажется девочка. Или украдёт из чужой колыбели, которую бездумная мать оставит в тенёчке у крыльца: схватит малыша, укроет платком и побежит за синие леса, за высокие горы, в безопасное убежище, там посадит на сухой мох и даст ему гладкую еловую шишку, чтобы играл. Купит у нищенки здорового темногла-

Марта Хетра

зого мальчика, развяжет цветастое отрепье и сожжёт, а ребёнка искупает в желтоватой ромашковой воде или вот с чередой тоже хорошо. А то назначит младенцем полено или котёнка, станет баюкать, отпаивать молоком. Усыновит мужчину и воспитает.

Да мало ли способов, если хочется.

Ещё реже бывает, чтобы женщина совсем не хотела иметь ребёнка, ни своего, ни чужого, ни щенка, ни симулякр, вроде тамачи, который бы изредка пищал: «Покорми меня», «Поиграй со мной». Такая, может, одна на миллион.

А ещё говорят, будто иногда случается — раз в сто лет? — что и родит, но забудет. Даже и вырастит, но потом с её памятью произойдёт какая-то неприятность — например, постирает едким мылом, чтобы вывести пятно от вишнёвого сока или крови, а в результате пятно как было, так и осталось, а ребёнок стёрся. На фотографиях и в документах есть, но женщина перестаёт чувствовать себя матерью. От этого она сначала делается на двадцать лет моложе, обретёт лёгкость, талию и шелковые платья, но постепенно тело её будет становиться всё легче и легче, шелка посереют, а потом она превратится в птичку.

ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ЕМУ

Как только это произойдёт, женщина снова обо всём вспомнит. Но теперь у неё маленькая птичья головка на одну мысль, коротенькие ножки и совсем нет рук, а вместо голоса чирик-чирик. Есть, правда, крылья, и потому она не побежит, а полетит — искать своего ребёнка. Зачем, ведь он уже совсем взрослый? Попробуйте расспросить, но ничего внятного птичка не ответит, даже если научится на манер скворца повторять некоторые слова почти по-человечески. Когда вы попытаетесь её удержать, она склонит голову и бессмысленно прошебечет: «Чтобы сказать, чтобы сказать ему...» — и другого вы не добьётесь, поэтому лучше отпустите добром, пока не убились об оконное стекло.

Месячные прекратились лет на десять раньше, чем это обычно бывает, но Дора не огорчилась, наоборот, почувствовала себя свободной как никогда. Теперь не нужно высчитывать, когда не сможешь пойти в бассейн, переносить занятия в спортзале и отменять свидания. Это справедливо, ведь жизни осталось меньше, чем было, и пять дополнительных дней в месяц хоть какая-то компенсация. Можно посчитать: месячные у неё с десяти, и значит, за следующие тридцать пять лет она потеряла две тысячи сто дней, приблизительно пять с половиной лет своей единственной жизни провела в крови и боли, без секса, с отваливающейся спиной и вечным страхом наследить. А теперь добавятся шестьдесят полновесных суток в год.

ЧТОБЫ СХВАТИТЬ ЕМУ

Конечно, они будут не столь насыщенными, как в юности, но дарёному коню не смотрят ни в зубы, ни под хвост, хотя копыта, конечно, надо бы проверить: хорошо ли подкован и всё такое.

Дора любила цифры и заботилась о точности вычислений, и потому всё время возвращалась к столбику, которым перемножала 5, 12 и 35, а потом делила на 365. Все ли дни можно считать потерянными? Ведь иной раз она не могла утерпеть и всё-таки занималась сексом, а потом озабоченно разглядывала красные пальцы, потёки на ногах и отправляла сомлевшего мужчину мыться первым — потому что кровь засыхала, стягивала нежную кожу головки, и далеко ли до раздражения. С другой стороны, и так округлила в меньшую сторону, на самом деле выходило не пять с половиной, а 5,75, но те три месяца можно списать на самое начало, когда только устанавливался цикл.

Она вспомнила, как валялась на спине, задрав ноги на стену, и прислушивалась к тянущей боли в животе, а заодно и к шепоту в коридоре. Отец потом некоторое время огибал её комнату по дуге, насколько это было возможно в их доме. Ничего личного,

Марта Хетра

он просто беспокоился и смущался, потому что мать, как всегда, проболталась. Она всё ему рассказывала, и Дора думала, что это от несдержанности, но потом оказалось, что и отец, который был безупречен, тоже не имеет от мамы тайн. И Дора поняла, что это такой способ существования в паре, когда на всякий случай ничего друг от друга не скрывают, сообщают каждый пустяк, любые новости и чужие секреты, чтобы как-нибудь нечаянно несказанное не скопилось и не создало серьёзное препятствие между ними. Но чем меньше барьеров было между родителями, тем выше вырастала стена перед Дорой, почти незаметная в раннем детстве. В младших классах школы из-за неё ещё торчали бантики, но потом кладка стала опережать, и скоро родители находили свою девочку только по голосу и следам, которые она оставляла со свойственной подросткам неаккуратностью. Раскидывала по дому одежду, глупые бумажки с цветочками и неумелым детским матом — записочки, которыми девочки перебрасываются на уроках. Забывала на видном месте блокнот в сердечках, наполненный густой рифмованной патокой, розовый носок со стоптанной до желтизны пят-

ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ЕМУ

кой, и диск с хентаем. Эти вещи служили для неё чем-то вроде стигматов возраста: Дора осознавала их неприглядность, но ничего не могла с собой поделатъ. Внутри неё жила взрослая женщина, но до поры она находилась в плену у неумной девчонки, которая вынуждала её совершать потные подростковые выходы, диктовала лексикон и манеры. И вещи роняла именно та, пленница, пытающаяся хоть как-то подать знак, но вместо белых камешков у неё были только носочки и бумажки. А родители никого не хотели искать, покорно подбирали с пола и кресел девичий мусор и складывали в шкафы.

Насколько Дора помнила, лучше всех её находил дед. Когда ей было пять, она приходила в его кабинет, где на книжных полках стояли совсем неинтересные книги, а на столе зелёная малахитовая чернильница и механический календарь. Невежливо соваться в чужую комнату без спроса, и всё-таки она пробиралась украдкой, залезала в его жёлтый кожаный чемодан и опускала над собой крышку. Нет ничего глупее положения человека, который спрятался, а его не ищут. Даже Неуловимый Джо устроился лучше, он хотя бы скрывается от несуществующей погони

Марта Хетра

и что-то с ним происходит по пути, а когда лежишь, скорчившись в душном чемодане, обшитом изнутри коричнево-пёстрым шёлком, буквально за три минуты начинаешь чувствовать себя душой. Но дед всегда появлялся вовремя, примерно через две с половиной минуты после того, как Дора переставала ёрзать и успокаивала дыхание. Он входил в кабинет и звал:

— Дора! Дора!

Никто не отвечал.

— Где она, может, под кроватью? Под столом? А, за шторой! Нет. Эй, родители, а где ваш ребёнок? — строго спрашивал он. И Дора чувствовала, как подрагивает пол от топота — мать вбегала, заранее волнуясь:

— Дора! Дора! А вдруг она улизнула в сад и захлопнула дверь?

Было слышно, как отец щёлкает замком и выглядывает на крыльцо. По комнате пробежала волна сквозняка и врвалась в узкую щель, оставленную Дорой для воздуха.

Мать тревожно причитала, но отец молчал, и дед принимал настоящее мужское решение:

— Что ж, пойду её искать. Наверняка удрала на улицу, а там уже темно.

ЧТОБЫ СХВАТИТЬ ЕМУ

Он тяжело шёл к шкафу и доставал куртку М-65, в которой ходил, кажется, всегда. И тут случалось по-разному: иногда Доре становилось нестерпимо от мысли, что дедушка сейчас уйдёт в ночь на поиски, и она выскакивала, как торжествующий чёртик из табакерки; или мать вспоминала про чемодан, пыталась подать деду — «раз уж ты уходишь», — и находила Дору.

— Воооот она где! Как ты нас напугала!

Только через много лет Дора впервые задумалась над тем, почему её дед держал этот пустой чемодан в кабинете на видном месте, ведь в нём никогда ничего не лежало, кроме серой прокуренной толстовки-худи. Неужели только чтобы ей было где прятаться? Или чтобы всегда существовало место, где её можно найти?

Потом родители с Дорой переехали в просторную квартиру в далёком городе, где отец нашёл новую работу, дед остался в своём доме один и через год умер, а она повзрослела — быстрее себя — и стала прятаться внутри девочки. Но там её не искали.

Дом не продали, и каждое лето они возвращалась, чтобы снять с окон тяжелые ставни, вымести паутину из углов и привести в поря-